

Дж. Нардонэ
Э. Балби

БОРОЗДИТЬ МОРЕ ВТАЙНЕ ОТ НЕБЕС

Логики терапевтических изменений

**Джорджио Нардонэ
Элиза Балби**

**Бороздить море втайне
от небес. Логики
терапевтических изменений**

**Серия «Современные
методы в психотерапии»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42331118

Бороздить море втайне от небес Логики терапевтических изменений:

ISBN 978-5-00144-026-0

Аннотация

Человеку свойственно быть противоречивым: это скорее правило, чем исключение. Подтверждением этому служит наше реагирование под влиянием эмоций или ощущений, противоречащее рациональным рассуждениям и решениям. Когда перед нами клиент, поведение которого не поддается логическому объяснению (например, девушка, которая отказываясь от еды, готова умереть ради идеи красоты), задача терапевта – наши ключ к решению, опираясь на логику проблемы.

В настоящей книге в фокусе внимания типы неординарной логики, которые лежат в основе разнообразных проблем

и патологий, и которые необходимо уметь распознавать и использовать для нахождения эффективного решения при терапевтическом вмешательстве. Описываются логики парадокса, противоречия и веры, и типы терапевтических изменений – катастрофическое, постепенное и изменение с эффектом лавины; рассматривается связь логики проблемы и типа изменений, которое необходимо выбрать при планировании терапевтического вмешательства. В заключительной главе приводятся клинические случаи, на примере которых иллюстрируется теоретический материал.

Книга предназначена для специалистов-психотерапевтов, психологов, медиков, студентов означенных специальностей и других читателей, интересующихся современной психологией и решением человеческих проблем.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	15
Неординарная логика	15
Стратегическая логика	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Нардонэ Джоржио,
Балби Элиза**

**Бороздить море втайне
от небес Логики**

терапевтических изменений

*Нужен новый образ мышления, чтобы решить
проблемы, созданные старым способом мышления.
А. Эйнштейн*

Предисловие

Рассуждать о неклассической логике в применении к стратегическому изменению означает сослаться на то, что никогда не было опубликовано и чем всегда пренебрегали, поскольку большинство академических учений и книг не выходят за рамки классической бинарной логики. Действительно, в академической философии всё, что не входит в классическую рациональность, отвергается как опасное, хотя в истории философии науки и имеются примеры выдающихся личностей, которые боролись против этого. Уайтхед [Уайтхед, Рассел, 1910-13], один из величайших логиков, считает всю философию не на много важнее простой отсылки к произведениям Платона, считая его одной из влиятельнейших фигур западной философии. С нашей точки зрения, это объясняет, почему философия и философия науки занимаются теоретическими моделями, которые далеки от реальности, и почему они более расположены к изучению абсолютных идей, например, идей Платона, нежели к разработке прагматичных советов [Рассел, 1949]. Кажется, что Витгенштейн с его трактатом о философии психологии [*Философские исследования*, 1953], был кометой одной ночи и остался совершенно забытым. Работы группы Грегори Бейтсона, которые наконец-то впервые за 2500 лет обратили внимание на прагматические эффекты коммуникации и существующих

теорий, зачастую превращались в новые ригидные модели [Бейтсон, 1964, 1978].

Таким образом, неклассическая логика – это своего рода страшный дьявол, который ставит под угрозу любую абсолютную идею, любое верование, она опасна для любого желающего выдвинуть сильную теорию. В области психологии и психотерапии, которые могут считаться новой прикладной философией последнего века, недавно мы стали свидетелями того, что я вместе с моим дорогим другом и выдающимся психологом Риччи Битти называю самым настоящим «когнитивным опьянением»: всем феноменам должно быть найдено рациональное объяснение, контроль мысли не имеет границ. Возвращается идея – опять по Сократу и Платону – что мысль может превзойти восприятие и эмоции; но это не находит никакого подтверждения в реальности. Каждому из нас хотя бы один раз в жизни случалось принимать решение сделать что-то, что с рациональной точки зрения казалось нам наилучшим действием, а потом вести себя иначе под воздействием собственных эмоций. Следовательно, хотя нам и нравится думать, что мы рациональны и можем контролировать реальность с помощью наших мыслей, это всего лишь иллюзия. Более того, мне нравится называть это тонким самообманом, который даёт нам чувство уверенности, но постоянно становится ловушкой.

В силу этого мы, входя в область неклассической логики, должны прежде всего отказаться от любой теории, ко-

торая претендует на описание того, как функционирует реальность, и которая предписывает изменение в рациональной манере. Это не значит, что классическая логика является бесполезным изобретением и тем более чем-то ошибочным. Ее применение корректно и функционально, когда идет речь о линейных природных феноменах, но совершенно ошибочно пользоваться ею в случае самовоспроизводящихся феноменов. Вернер Хайзенберг в неизведанной области чистой науки, опираясь на принцип неопределённости показал, что и в физике наблюдатель, применяя свои инструменты наблюдения, влияет на то, что он наблюдает;

таким же образом нередко экспериментатор создаёт эксперимент в соответствии с собственными ожиданиями и посредством собственных инструментов. Это является лучшим доказательством того, что линейная логика не действует, когда изучают феномены, связанные с отношениями, которые мой разум устанавливает с самим собой, с другими разумами, с обществом, потому что я влияю на то, с чем взаимодействую; я непрерывно вношу в реальность изменения, которые возвращаются ко мне. Это кибернетический принцип обратной связи (feedback), и именно с него в своё время начала свое развитие школа Пало Альто; идея заключается в том, что, однажды начав игру, всё приходит во взаимодействие и нет ничего predetermined. Причина порождает эффект, эффект становится причиной. Циркулярность замещает линейность причинно-следственных отношений [фон

Форстер, 1974; фон Глазерсфельд, 1975, 1979, 1984].

За последние двадцать лет применения в клинической сфере и сфере менеджмента передовой методологической процедуры, используемой для разработки технологий, мы выявили, что технология развивается на основании собственной эффективности, а не на основании теории, которую нужно доказать, что означает познавать проблему посредством её решения, а не находить решение, изучая проблему [Нардонэ, Вацлавик, 1990,2004; Вацлавик, Нардонэ, 1997; Нардонэ, Рампин, 2002; Нардонэ, Салвини, 2004; Нардонэ, Портелли, 2005]. Такая, несомненно, непривычная точка зрения позволяет нам нелинейным способом, с помощью стратагем, создать такую реальность, в которой можно достичь изменений там, где раньше это не было возможно. Совершается переход от *гипотетически-дедуктивной методологии* к *конститутивно-дедуктивной*: вместо того, чтобы познавать с целью изменения, изменять с целью познания [Вацлавик, Нардонэ, 1997].

Таким образом мы подходим к основной теме: неклассическая логика занимается всеми возможными способами изменения восприятия, создающего нефункциональную реальность, обращаясь к древнему знанию искусства стратагем, риторики и убеждения, от которых вместе взятых отказалась не только классическая логика, но и в целом все абсолютистские религиозные и политические идеологии. Платон был первым философом, который своей концепцией аб-

солютной идеи, исходящей от Бога, превратил философию в религию, поэтому его так ценят на протяжении двух тысяч пятисот лет и поэтому он по сей день считается выдающимся философом католической религии. Мы же, говоря о стратегах, обращаемся к досократовской философии, к очень прагматичной философии семи мудрецов из эллинистической традиции, учения которой не случайно передавались через афоризмы и язык убеждения.

Софисты являются наиболее яркими представителями этого иного взгляда на мир вокруг себя; они были самыми первыми радикальными конструктивистами, которые уже за три тысячи лет до Пола Вацлавика [1988] утверждали, что «язык создаёт реальность» и что реальность – это язык, который мы используем для её описания.

Мастера убеждения, которые были советниками принцев, императоров и королей в управлении империей или королевством и, конечно же, ведения войн, – это наши самые великие предшественники в искусстве стратегического решения проблем. Некоторые из величайших софистов были терапевтами; это, прежде всего, Антифонт, первый в истории официальный психотерапевт, который так успешно лечил физические проблемы с помощью слов, что из-за переживаемого стресса пришел к решению отказаться от этой деятельности. Не многим известно, что Гиппократ, первый выдающийся медик в истории человечества, был внуком Горгия, самого именитого софиста, и не случайно в большинстве его

самых эффективных примеров лечения применялись не лекарства, а слова; следовательно, он был не только великим врачом, но и великим психологом.

Нельзя забывать одну историческую деталь, о которой известно лишь немногим: самый великий полководец в истории, Александр Македонский, вопреки тому, что говорится в учебниках по официальной философии, вовсе не был учеником Аристотеля. Аристотель был его наставником лишь на протяжении двух лет, а потом удалился на остров писать трактат, обличающий женщин, так как Александр сыграл с ним злую шутку сексуально-эротического характера. Настоящим учителем Александра Македонского был Антисакр, софист, ученик Протагора, впоследствии основатель философского направления скептиков. Антисакр сопровождал Александра Македонского, который за всю историю своих завоеваний не стал тираном, безумцем, фантазером и агрессором, а стал тем, кто сумел покорить земли одну за другой при помощи слов, за исключением лишь трёх сражений. Обычно он, прибыв со своим войском на очередную территорию для завоевания, предлагал ее правителю один из тех вопросов с иллюзией альтернативы ответа, которые мы используем сегодня в стратегическом диалоге: «Ты предпочитаешь, чтобы я разрушил твой город и уничтожил весь твой народ, или же ты предпочитаешь остаться в роли короля от имени Александра, платя лишь дань, но при этом оставаясь правителем?». Таким образом он выиграл большинство

сражений, не вступая в битву, а пользуясь искусством убеждения [Ардри, 1986].

Посвятив более двадцати лет разработке неординарных способов стратегического вмешательства в отношении именно тех патологий или организационных проблем, в которых традиционная логика не срабатывает, используя методологию познания проблем посредством их решения [Нардонэ, Вацлавик, 1990; Вацлавик, Нардонэ, 1997; Нардонэ, Рампин, 2002; Нардонэ, Салвини, 2004; Нардонэ, Портелли, 2005], мне удалось сформулировать модель неординарной логики¹. Речь идёт о модели, основанной на эмпирическом, экспериментальном процессе, а не только на теоретических предположениях. Подобная модель не была разработана ранее, потому что, как уже говорилось выше, даже самые просвещённые ученые-логики остановились в шаге от неё. К примеру, Ньютон да Коста, первый математик, создавший модели параконсистентной логики², формальным образом описал логики веры, противоречия и парадокса [да Коста, 1989а, 1989б], но он никогда не преобразовывал все это в оперативные указания; он остановился на теоретической формулировке, используя язык математической логики

¹ Представляется оправданным оставить термин «Неординарная логика», который использует автор, учитывая, что он самым подробным образом объясняет впоследствии, что именно вкладывает в это определение.

² Параконсистентная логика – разновидность неклассической логики, свободной от действия закона непротиворечия; служит для отображения и исследования противоречивых ситуаций – *Прим.науч.ред*

ки. Наше знакомство состоялось, когда он приехал в Италию. В то время я уже был психологом, но продолжал заниматься философией науки и написал первую книгу по краткосрочной стратегической терапии. Когда да Коста прочёл её, он сказал мне, что впервые увидел свои математические теории в применении. Возникла своего рода идиллия, мы стали рассуждать об идее стратегических логических моделей, в которых в качестве строгих инструментов использовались бы противоречие, парадокс, вера, самообманы, самопредсказания, пророчества и целая серия элементов, относящихся к неклассической логике. Это стало зародышем того, что сформировалось впоследствии, ведь мы говорим о событиях двадцатилетней давности. С тех я продолжил развитие этой идеи не на уровне теории, а на уровне вмешательства, разрабатывая терапевтические стратагемы, опирающиеся на неординарную логику, для большинства самых серьёзных патологий и создавая протоколы терапии, характеризующиеся строгой логической последовательностью, но включающие в себя неординарные способы вмешательства.

В последние годы, подталкиваемый некоторыми моими учениками и не только ими, перечитывая *Change* Пола Вацлавика [Вацлавик; Уикланд, Фиш, 1974], книги Джона Эльстера [1979, 1985] и вновь обращаясь к философским произведениям, которые я давно не перечитывал, я осознал необходимость в теоретической оперативной формулировке, которая помогала бы тем, кто хочет использовать неординар-

ную логику. Предлагаемая мною работа не является, как это часто случается, вспышкой гениальности или априорной идеей, которой необходимо следовать независимо от её применимости или функциональности. Это результат того, что подействовало и что, в свою очередь, позволило понять, почему это подействовало. Так же как проблема познается через её решение, так и теория познается через её применение.

Эти двадцать лет работы можно обобщить, цитируя Фридриха Ницше: «Нужно делать сотню и более набросков новелл, не длиннее двух страниц, но столь отчетливых, что каждое слово в них необходимо; нужно ежедневно записывать анекдоты, пока не найдешь для них самую соответствующую по смыслу и убедительную форму; нужно неутомимо собирать и вырисовывать человеческие типы и характеры; нужно, прежде всего, как можно чаще рассказывать и слушать чужие рассказы, зорко наблюдая за их действием на присутствующих; нужно путешествовать, как художник пейзажист и рисовальщик костюмов; нужно делать заметки по отдельным наукам, записывая все, что при хорошем изложении может оказывать художественное действие; наконец, нужно размышлять о мотивах человеческих поступков, не пренебрегать ничем, что может быть здесь поучительным, и денно и нощно коллекционировать такого рода вещи. На это многообразное упражнение нужно затратить лет десять, и тогда то, что создано в мастерской, может быть вынесено на улицу» [Ницше, 1985].

Глава 1

Неординарная логика

(...) чтобы вернуться, необходимо уйти, остановка нуждается в движении, высвобождение следует за удержанием, потому что одно рождается из другого; тогда говорите для молчания, меняйте для познания неизменного, опустошайтесь, чтобы наполниться. Каждое мгновение разум обманывает разум и мысли ходят по кругу. Выход находится внутри, вход – вовне, переход – между. Ухватитесь за обе половины и распахните или затворите двери разума. Наполненный разум совпадает с пустым разумом.

P. Puzg, *The Tao of Relationships: A Balancing of Man and Woman*

Мы можем уловить внешний мир только с помощью чувств, от которых мы можем получить непрерывно обманчивые образы; но даже если бы мы видели мир совершенно правильным образом, у нас не было бы возможности узнать об этом.

Э. фон Глазерсфельд, *Radical constructivism*

Логика – это не что иное как метод, с помощью которого человек испокон веков применяет свои знания, решает про-

блемы, достигает цели; следовательно, логика является мостом между теорией и её непосредственным применением. Большинство психотерапевтических моделей переходит от теории к практике, забывая о том, что между теоремами и их непосредственным применением существует пространство, которое нужно заполнить;

это может быть сделано только с помощью логической модели. Логика – это то, что позволяет создать прикладную модель, переходя от теории к практике; стало быть, недостаточно одной лишь чистой теории, стоящей над эмпирическим наблюдением, нужно еще нечто способное показать на эмпирическом уровне то, что пытались понять на теоретическом уровне.

Классическая (ординарная) логика – это логика, которая традиционно (начиная с Аристотеля и далее) сводится к таким понятиям, как «истинно/ложно» или принцип «исключенного третьего», а также к принципам «непротиворечия», «внутренней логичности» и «соответствия логических моделей». Иными словами, классическая логика является нашей привычкой дифференцировать вещи при помощи отрицания – «Если не это, то это. Если это, то не это»; ассоциативного признания – «Если нечто принадлежит к данной категории, то должно обладать её характеристиками»; силлогизмов – «Если нечто принадлежит к данному классу, значит, обладает всеми характеристиками данного класса»; принципа непротиворечия – «Если есть это, то не может быть противопо-

положного»; принципа последовательности – «Вещи должны быть последовательными, то есть иметь линейную связующую нить»; соответствия – «Внутри системы должна присутствовать соответствующая связь между её компонентами».

Подумайте, как часто мы используем такие негативные формулировки как «Не делать», «Не говорить», просто потому что привыкли к некоторому типу логики, где «не» – это сильный дискриминант, несмотря на то, что эмпирически доказано, что он не только неэффективен, но и приводит к противоположному результату, когда мы хотим убедить кого-то в чем-либо. Мы продолжаем использовать этот тип логики просто потому, что он является частью нашей культуры. Если он действует при анализе феноменов с линейной причинно-следственной зависимостью, то, когда мы применяем этот тип логики к таким сложным феноменам как взаимодействие между разумом и разумом или, как подсказал бы Грегори Бейтсон, между индивидуальным и коллективным разумом, он больше не подходит, *потому что для человека находиться в противоречии является правилом, а не исключением*. Как часто наши эмоции и ощущения вынуждают нас делать что-то, что непоследовательно в отношении нашего обычного образа действий? То же самое касается и соответствия: часто наши реакции не соответствуют нашим действиям.

Когда мы говорим о неординарной логике, мы не можем больше основываться на исключительно когнитивных про-

цессах рационализации выбора, решений и действий, как сделала бы это традиционная логика, именно потому, что каждый из нас, как отмечает Гёдель, является частью системы и не может контролировать её изнутри [Гёдель, 1961]. В наших отношениях с реальностью мы проявляем склонность к линейности, к самоповторяемости в силу полученного опыта, сформировавшихся убеждений и верований; по этой причине никто из нас не может получить чистое знание. Как сказали бы некоторые философы, это было бы возможным лишь в момент нашего появления на свет, то есть, когда мы теоретически являемся своего рода «чистой доской», если, конечно, не учитывать эмбриональный период жизни. Согласно Юнгу, не следует недооценивать культурные стереотипы, то есть то, что передаётся нам из поколения в поколение [Юнг, 1975]. Идея возможности обладать чистым знанием о реальности рождается просто из необходимости и умения людей находить хотя бы ограниченные объяснения окружающим вещам, когда они не объяснимы, и принимать эти объяснения за истинные, поскольку люди нуждаются в успокоении. В *Инстинкте причины* Ницше пишет: «Когда нет никакого объяснения, мы выбираем то, которое является ложным, но ведём себя так, словно оно истинное, потому что это успокаивает нас» [1994]³. Мы должны отталкиваться от

³ «Сумерки идолов, или как философствуют молотом», книга также известна под названием «Падение кумиров, или О том, как можно философствовать с помощью молотка» – *Прим. науч. ред.*

того, что, поскольку мы являемся познавательным инструментом самих себя, мы уже «заражены» и в процессе познания заражаем то, что познаем. Продолжая цитировать Хайзенберга: если даже учёный, наблюдая за чем-либо, влияет на объект наблюдения, то это ещё в большей мере присуще обычным людям в отношениях с собственной реальностью [Хайзенберг, 1958].

Мы постоянно «неординарны», и я готов поспорить с каждым, что он не найдёт в своей жизни ни одного примера использования – что, по моему мнению, невозможно, – чисто ординарной логики без амбивалентности; очень сложно найти что-то действующее без самообмана. Обратимся к математике: человек удивлён тому, что дважды два – четыре, пять на пять – двадцать пять. Все сходится. Конечно, ведь это я сделал так, чтобы все сходилось; это тонкий самообман, у которого, как и у всех самообманов, может быть какая-то функция, операциональная эффективность. «Я влюблён» – это самый тонкий из самообманов.

Всё является самообманом. В недавно опубликованном собрании избранных отрывков из произведений Пола Вацлавика *Взгляд внутрь себя ослепляет* [2007], описывается замечательная конференция под названием *Иллюзия иллюзии*, которая завершается словами: «Нет никаких иллюзий, потому что есть только иллюзия». Достаточно вспомнить Германа Гессе с его кукольным театром для сумашедших в книге *Степной волк* [1927]. Из иллюзии невозможно выйти. Логи-

ка самообмана – феномен неясный и потому в течении столетий упрятанный в темницах линейной логики – в последние тридцать лет вновь стала объектом внимания, поскольку, после того как начали изучать отношения между субъектом и его реальностью более корректно с методологической и эпистемологической точки зрения, не могли больше игнорировать тот факт, что человек склонен искажать реальность, которую он воспринимает, и постоянно формировать её на основе собственных самообманов. Примеров тому множество: я встаю утром после беспокойной ночи, и каждое минимальное событие дня начинает раздражать меня в силу этих ощущений, испытанных утром – это самообман. Я могу стать параноиком и думать, что все настроены против меня, я смотрю вокруг себя и постоянно нахожу этому доказательства – это самообман. Я могу быть экзальтированным, думать, что я в состоянии творить необычайные вещи и даже самые незначительные события все больше убеждают меня в этом: если, спускаясь по лестнице, я спотыкаюсь, но не теряю равновесие, то считаю себя эквилибристом. Еще один пример: обманывает сам себя тот человек, который не замечает, что партнёр ему изменяет, в то время как все, кроме него, об этом знают. Самообман – это природное качество, защищающее нас от всего, что причиняет боль; это нечто положительное, но оно может стать патогенным, если им злоупотреблять. Подумаем о страхе: на первый взгляд он кажется чем-то негативным, но, на самом деле, является самым прими-

тивным и самым здоровым из наших ощущений; это тот физиологический механизм, который, благодаря определённому восприятию, активизирует наш организм, делая нас лучше. Без страха мы бы ничего не могли делать. Всем известно, что в чисто физиологических терминах страху соответствует тревожность, которая возрастает по кривой линии и до определённого момента делает нас более эффективными, но мы становимся неспособными, когда она переходит этот предел. Следовательно, не стоит дискредитировать самообман, как бы того желали когнитивисты и все те, кто увлечен иллюзией рационального контроля. Самообман – это дар, который мы должны использовать, раз мы не можем его избежать.

Системно-интерактивная традиция изучила логические амбивалентности в коммуникации и ввела понятие *двойной связи (двойной ловушки)*, которая изначально отождествлялась с логическим парадоксом, то есть с сообщением, которое одновременно передаёт как определенное содержание, так и его противоположность. Уже в исследованиях Г. Бейтсона, Дж. Уикланда, Д.Д. Джексона по этиологии шизофрении [1956] было выявлено, что пациент шизофреник мог быть таковым «сформирован» из-за чрезмерно повторяемой парадоксальной коммуникации в динамике семейного взаимодействия. Бейтсон, Вацлавик и другие первыми привнесли в область психологии и психотерапии исследования логических уровней Бертрانا Рассела [Уайтхед, Рассел, 1910-13], а, следовательно, и наиболее утончённую логику.

Изучая амбивалентность коммуникации и амбивалентность ответов людей, они пришли к формулировке логики парадоксов, ставшей одной из основных концепций традиционного стратегического подхода. Феномен парадокса коммуникации с самим собой, с другими людьми и с окружающим миром является основой этиологии самых сложных психических патологий и в то же самое время основой структуры терапевтического вмешательства. Однако в то время пользовались еще понятием парадокса, а не самообмана;

последний, действительно, является самым примитивным механизмом, который включает в себя и парадокс, являющийся нашим самообманом, и не только его. Когда я ощущаю что-то внутри себя и одновременно обратное этому (например, «я люблю его и ненавижу его») – это парадокс, также как и в том случае, когда я хочу что-либо, но в то же самое время боюсь этого. Однако в том случае, когда я думаю, что было бы правильно поступить определенным образом, а потом делаю прямо противоположное, или когда я настолько сильно верю во что-то, что все мои действия направлены на подтверждение этой моей веры, или ещё, когда определенная мысль, неоднократно повторенная на протяжении некоторого времени, именно благодаря этому повторению становится истиной, мы не имеем дело с парадоксом.

Таким образом, в логике самообмана можно выделить подгруппы, подклассы. Как мы увидим далее, с этой целью мы разработали неординарные терапевтические стратегемы

и соответствующие им протоколы вмешательства для большинства серьёзных патологий. Идея заключается в том, что если человек не усвоил критерии неординарной логики, то он не будет в состоянии применять их, даже если они предписаны в протоколе, которому надо следовать; и это особенно верно в том случае, когда необходимо использовать максимально точные техники. Следовательно, знание различных критериев неординарной логики и её функциональности становится фундаментальным для стратегического терапевта. Конечно, если пациент очень осознанно описывает нам свою проблему, и мы можем также рассудительно договориться с ним о её разрешении, мы сразу переходим к прямому указанию и не нуждаемся в неординарной логике. Проблема заключается в том, что я в своей практике среди более десяти тысяч случаев встретил, может быть, десяток человек такого типа. Конечно, возможно, что в течение двадцати лет ко мне обращались только «экстремальные пациенты»; но, анализируя большинство так называемых патологий, можно отметить, что они функционируют на основе неординарных критериев. Редко встречается патология, основанная на ординарной логике. Параноик, который должен защищаться от агрессивности других людей и боится мафии, потому что он получил угрозу, на первый взгляд, опирается на ординарную логику, однако в его восприятии любой, кто ждёт его под домом, послан мафией, поэтому он не может выходить из дома после восьми вечера, так как боится стать жертвой преступ-

ного нападения. Здесь мы переходим на другой логический уровень: фобическая навязчивая идея превращается в веру, которая создаёт воспринимаемую реальность и приводит к патологической реакции. Как подсказывает Пинель [1991], «логика убедительна, но предпосылка ошибочна».

Для осуществления эффективного вмешательства в случае подобных реальностей необходима логика, которая подходила бы к их структуре и была бы в состоянии перенаправить их смысл в сторону функционального управления, а именно преобразовать дисфункциональный самообман в функциональный.

Стратегическая логика

Оскар Уайльд пишет: «Чтобы познать истину, необходимо представить себе множество фальши. Ведь, что такое истина? В религии – это та точка зрения, которой удалось выжить. В науке – это последнее сенсационное открытие. В искусстве – это наше последнее состояние души» [Уайльд, 1986].

Не нужно возвращаться далеко назад, достаточно обратиться к «радикальному конструктивизму» [фон Форстер, 1973, 1997; фон Глазерсфельд, 1984, 1995; фон Форстер, фон Глазерсфельд, 2001; фон Форстер, Порксен 2001; Вацлавик, Бивин, Джексон, 1971; Вацлавик, Уикланд, Фиш, 1974], который указывает на то, что не существует одной единственной реальности, а существует столько реальностей, сколько наблюдателей. Более того: один и тот же наблюдатель при желании может воспринимать по-разному одну и ту же реальность в зависимости от точки зрения, которую из раза в раз он захочет принять. Речь идёт о том, что мы с Полом Вацлавиком в книге *Искусство быстрых изменений* [1990], написанной в четыре руки, назвали первой ересью стратегического подхода к человеческим проблемам, определяя еретиком того, «у кого есть возможность выбора», а ересью то, что отличает этот подход от большинства моделей психотерапии.

Каждая реальность меняется в зависимости от точки зрения того, кто за ней наблюдает, и это приводит к различным реакциям, основанным на разных определениях, которые могут быть присвоены одной и той же реальности.

В древнем буддизме дзен, мудрость которого воспринята современным конструктивизмом, выделяют два типа истины: *истина сущности* и *истина ошибки*. Истина сущности не может быть постигнута человеком при жизни, поскольку её можно достичь только в результате прозрения, то есть, превосходя конкретную реальность, так как сущность не в земной жизни, а в трансцендентальной. Истина ошибки, наоборот, совпадает с теми субъективными и инструментальными истинами, которые формируются в отношениях с земными вещами, с целью увеличения нашей способности управлять ими. Единственная данная человеку возможность – это совершенствование в способности создавать истины ошибок.

Пол Вацлавик [1971] по этому поводу говорит о *реальности первого порядка* и о *реальности второго порядка*. Первая относится к физическим характеристикам объектов или ситуаций, вторая – к значению, которое мы им придаём.

Иными словами, заимствуя выражение маэстро дзен: «Жизнь – это меч, который ранит, но он не может ранить самого себя; также и глаз видит, но не может видеть самого себя».

Большинство трудностей, с которыми мы сталкиваемся, независимо от их серьезности зависят не столько от реаль-

ности первого порядка, сколько от значения, которое мы им придём, то есть от реальности второго порядка.

Из сказанного выше становится ясно, что, когда мы призваны вмешаться в какую-либо ситуацию, будь это трудность или дестабилизирующая проблема, мы не можем ограничиться реальностью первого порядка, мы обязательно должны основываться на реальности второго порядка. Точнее сказать, я имею в виду то, что мы назвали «перцептивно-реактивной системой», указывающей на повторяющийся способ, с помощью которого определённый индивид воспринимает собственную реальность и, следовательно, реагирует на нее в отношениях с самим собой, с другими людьми и с окружающим миром [Вацлавик, Уикланд, 1978; Нардонэ, Вацлавик, 1990; Нардонэ, 1991].

По моему мнению, это фундаментальное понятие, поскольку оно, отстранившись от позитивистской и детерминистской иллюзии насчет возможности объективно познать реальность, позволяет нам разработать более функциональный тип вмешательства для конкретной ситуации, основанный не столько на априорной теории – что, к сожалению, очень распространено в нашей области – сколько на целях, которые нужно постепенно достигнуть. Уже Кант говорил «мы знаем а priori о вещах лишь то, что сами вносим» [Кант, 1985].

На практике эти соображения реализуются в применении метода исследования, который позволяет разработку спе-

цифических протоколов вмешательства как в клинической сфере, так и в организационном контексте, а именно «исследование-вмешательство». Эта особая экспериментальная методология отталкивается от следующей предпосылки: для того, чтобы узнать механизм проблемы, необходимо внести изменение. Курт Левин [1946] определил эту методологию в области социальной психологии как исследование действием, которое изучает феномен в поле, изменяя события эмпирическим и экспериментальным образом и наблюдая за эффектами внесённых изменений. То, как человек, система или организация отреагирует на них, позволит понять, как функционировал до этого сам феномен. Иными словами, проблема познаётся через её решение: не тип проблемы подсказывает нам, какое решение для нее подходит – «познать, чтобы изменить», а тип найденного решения объясняет, как функционировала проблема, то есть «изменить, чтобы познать».

В своей концепции «операционального познания» фон Глазерсфельд [1984] ссылается именно на тот конструктивистский тип знания, который позволяет нам как можно более функционально адаптироваться к тому, что мы воспринимаем, разрабатывая для каждой отдельной проблемы стратегии в зависимости от целей, которые мы всякий раз перед собой ставим, и эти стратегии постепенно адаптируются к развитию таких реальностей. Следовательно, единственный способ, который действительно позволяет нам обнаружить, как функционирует определённая проблема, за-

ключается в попытке её решения путём активного вмешательства. «Познавать изменяя» – эта концепция подчёркивается теорией систем [фон Берталанфи, 1956, 1962] и кибернетикой, представляющей собой её эволюцию [Винер, 1967, 1975; фон Форстер, 1973, 1987], вместе с понятием *обратной связи*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.